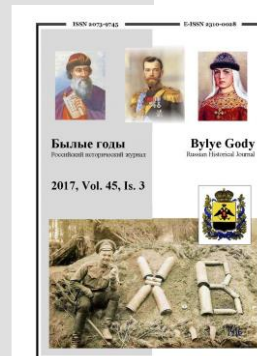

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1036-1043, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1036
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC [93:130.2](470+571):94(5)(045)

Views of S.Yu. Witte on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the East

Valeriy V. Suvorov ^{a,*}

^a Saratov State Medical University, Russian Federation

Abstract

Many Russian thinkers, social and political figures of the 19th and early 20th centuries wrote about the special cultural, historical, "civilizational" and often messianic role of Russia. This problem is highlighted in the context of different opinions on the role and significance of Russia's historical movement towards the East, relations to Asian countries and peoples in the imperial period. S.Yu. Witte was one of the initiators and organizers of the Far Eastern policy of Russia at the turn of the 19th and 20th centuries. He had completely pragmatic plans and expectations from the construction of a railway route designed to connect the Far East and Central Russia, and expand economic ties with the Asian states. Witte's views on the "civilizational", cultural and historical tasks of Russia in the Far Eastern region can be traced both in official documents, including reports to the emperor, as well as in materials of personal origin. Noting the historical predetermination of Russia's movement to the Pacific coast, Witte saw the key to success in expanding the sphere of influence only in a peaceful way. The main state task was to organize a railway communication, which, in addition to economic and geopolitical benefits, should help bring the Eastern peoples closer to Russia. Witte considered the railway a cultural "bridge" between Europe and Asia, and Russia was given the honorary role of a mediator in international contacts. Pointing to Russia's special role in "enlightening" and protecting Asian peoples and states, Witte counterposed Russia's actions to the colonial policies of European states. In general, Witte's views combined economic and political plans with arguments about Russia's enlightenment and patronage mission in the East, the expansion of the spread of Russian culture and the dreams of Christianization of the Eastern peoples.

Keywords: S.Yu. Witte, the Russian Empire, the East, cultural and historical tasks.

1. Введение

В конце XIX века Восток становится одной из основных тем в российской политической и философской публицистике. Территориальное расширение Российской империи в Азии во второй половине XIX века определило интерес современников к проблеме исторической роли и миссии России в этом регионе. Свои взгляды на данную проблему высказывали как непосредственные участники восточной политики, администраторы, военные, ученые-востоковеды, так и мыслители, и публицисты, размышлявшие над данной проблемой. В современных условиях возрастания значимости восточной политики России имеющийся положительный и отрицательный опыт осмысления культурно-исторических задач и идеологического обоснования национальных интересов приобретает особую значимость и актуальность. В связи с этим особый интерес представляют взгляды министра финансов Сергея Юльевича Витте, ставшего одним из инициаторов и организаторов дальневосточной политики, определившей достаточно специфичное смещение основного вектора российской внешней политики в Азию на рубеже XIX–XX веков.

* Corresponding author

E-mail addresses: valeriy_s@inbox.ru (V.V. Suvorov)

2. Материалы и методы

Исследование системы взглядов С.Ю. Витте возможно при применении антропологического подхода, позволяющего показать отношение министра финансов и его современников к Востоку, в контексте влияния их менталитета, профессиональной деятельности, личных интересов и субъективных представлений. Антропологический подход также позволяет определить влияние общественных и государственных деятелей на изменение отношения к Азии в целом. Немаловажно при исследовании образа Востока использовать приемы герменевтики, позволяющие интерпретировать, понимать смысл текста источников в их общей совокупности. Истолкование текста позволяет составить представление о личностных особенностях автора. Пониманию смысла способствует сравнительный метод, сопоставление с подобными текстами.

В рамках данного исследования в центре внимания находится период деятельности Витте на посту министра финансов (1892–1903), когда он фактически определял внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке. Заботясь больше о политических и экономических вопросах, в своих работах С.Ю. Витте не часто предавался рассуждениям о культурно-исторических задачах России на Востоке. Относительно обстоятельно эти вопросы были изложены им в записке императору по делам Дальнего Востока (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177) (1900) и докладе о поездке на Дальний Восток (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179) (1902). Многие вопросы были затронуты в лекциях, прочитанных наследнику престола Михаилу Александровичу и написанных позднее воспоминаниях.

3. Обсуждение

Историография жизни и деятельности С.Ю. Витте достаточно обширна (обстоятельные обзоры представлены в диссертациях, посвященных его деятельности), многочисленные работы отечественных и зарубежных исследователей посвящены различным сторонам его жизни и деятельности. Наряду со специальными исследованиями, деятельность Витте затрагивается в работах по истории внутренней и внешней политики России. При этом его роль в развитии российской государственности и экономики, попытки модернизации страны получали самые противоречивые оценки как у современников, так и исследователей. Неоднозначно оценивается и такое направление деятельности Витте на посту министра финансов, как политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX веков (См., например: Романов, 1928; Романов, 1955; Тарле, 1958), в том числе вызывает споры и его ответственность в развязывании войны с Японией. Одним из последних исследований, в котором обстоятельно показана роль Витте в развитии дальневосточной политики России и историография вопроса является монография И.В. Лукоянова (Лукоянов, 2008). Рассмотрение представлений министра финансов в контексте проблемы идеологического обоснования дальневосточной политики представлено в работах Б.В. Межуева (Межуев, 1999), Л. Жуковой (Жукова, 2015), М. Ларюезель (Laruelle, 2008), Л. Мо (Meaux, 2010) которые рассматривают взгляды Витте в контексте «восточнических» идей князя Э.Э. Ухтомского. А.В. Ремнев обращает внимание геополитические рассуждения Витте (Ремнев, 2004). Как отдельная имперская идеология система взглядов Витте представлена в работах Д. Схиммельпеннинка (Схиммельпеннинк, 2001, Схиммельпеннинк, 2009). При этом взгляды и идеи С.Ю. Витте, мотивы принятия решений нуждаются в дальнейшем исследовании и уточнениях, в том числе и вопрос о его понимании культурно-исторических задач России на Востоке.

4. Результаты

Витте, как и многие его современники, обращаясь к вопросу истоков движения России на Восток, отмечал предопределенность продвижения в Азию историческим развитием России. В записке императору в 1900 году, рассуждая о причинах событий, разыгравшихся в Китае, министр финансов писал, что их глубинная причина заключалась «в том неудержимом стремлении России на Восток, которое началось еще от времени новгородских ушкуйников и последовательно продолжавшемся до наших дней» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 4–40б.). Витте отмечал, что движение на Восток было «в существе своем мирное и культурное, а не завоевательное; оно шло последовательно осторожными шагами», а «занятое положение укреплялось мирной работой и «приласканием», по обычаю Московских царей, инородцев, лишь затем делался новый шаг» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.). Благодаря такому отношению обширные земли Востока «без особо крупных жертв» были прочно «спаяны» с коренными русскими областями. Витте подчеркивал особую интеграцию присоединяемых территорий с исконно русскими землями: «Не колонией, чуждой далекой метрополи, стала новая страна, а настоящей русской землей» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 50б.). В целом, Витте считал, что империя имела на Дальнем Востоке не только «интересы настоящего, но и важное историческое будущее» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 40б.).

«Аренда» Порт-Артура в 1898 была негативно встречена министром финансов, действия России он назвал «захватом» и «актом неслыханного коварства» (Витте, 1924: 116). По этому поводу Витте в 1900 году сообщал императору: «Движение наше в Манчжурию было несколько поспешно ... не соорудив еще магистралей, не став твердой ногой в северной части страны, не следовало двигаться далее и так настойчиво, путем не мирных соглашений, а насильственных захватов, добиваться выхода к желтому морю» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 4). Несвоевременность этих шагов могла привести к

негативным последствиям: «опередив этим быстрым поступательным движением преемственный ход событий, мы не можем препятствовать иностранцам в их вожделениях на китайскую территорию, несем тяжелые жертвы на охрану нового приобретения и раздражили Китай» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 506.). В такой ситуации оставалось ожидать, «чтобы труд и поступательное движение русского народа закрепили за нами полученные результаты» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 177. Л. 506.).

Однако в целом приобретение портов на Желтом море и права на проведение южно-манчжурской ветви железной дороги, по мнению Витте, вполне соответствовало историческому призванию России на Востоке и обещало в будущем значительные выгоды. В докладе о своей поездке на Дальний Восток в 1902 году Витте писал: «Проложением Китайской Восточной железной дороги и сооружением Порт-Артура и Дальнего совершено великое дело – выполнена историческая задача, сделать один из последних шагов в поступательном движении России на Дальний Восток, в ее стремлении найти выход к открытому морю, к незамерзающим берегам Тихого океана» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Витте отмечал, что распространение влияния России в Манчжурии было начато не путем завоеваний, а «мирным делом постройки дороги», поэтому «мирным путем следует и закрепить его окончательно» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Залогом успеха должна была стать «великая колонизаторская способность русского народа», благодаря которой он «прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя себе народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народов России» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42).

Принцип мирного расширения влияния выступает в системе взглядов С.Ю. Витте относительно имперской политики на Дальнем как основополагающая идея, объясняющая во многом понимание им задач в этом регионе и принимаемые решения. В центре интересов министра финансов находился Китай, ставший главным объектом внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX веков. В своих воспоминаниях Витте сообщает о сформулированных задачах в отношении Китая – его необходимо было сохранить «тем, чем он есть», а для этого необходимо было поддерживаться принципа «цельности и неприкосновенности Китайской империи» (Витте, 1924: 36).

Этим принципам Витте оставался верен в период боксерского восстания в Китае. Говоря о «завлекательности» идеи немедленного расширения территории на Дальнем Востоке, Витте вступал в полемику со сторонниками таких действий России, отмечая, что после захвата Манчжурии последует цепная реакция и другие европейские государства приступят к разделу территории Китая. В письме министру иностранных дел 10 февраля 1900 г. Витте писал: «Чем больше станем увеличивать боевую готовность наших войск и флота на Дальнем Востоке, тем быстрее там будут развязывать свои силы Япония и Англия и может быть другие державы» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 178. Л. 306.). Министр финансов полагал, что «для обороны занятой территории нами сделано уже очень многое».

Опасение войны на Востоке имело рациональное объяснение – будучи втянутой в войну в Азии, Россия тем самым ослабила бы свои позиции в европейских делах: «если мы недостаточной умеренностью своих требований в делах Дальнего Востока раздуем пожар... связавши себя надолго в крайней Азии, мы ослабим свое положение на Западе и Ближнем востоке» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 506.). Поэтому положение России в Европе оставалось для Витте приоритетным: «Если прямо поставить вопрос, какое из двух зол будет для страны меньше: ослабление ли наше на Западе со всеми последствиями, которые это может вести за собой, или приостановка движения на Дальний Восток ... лучше ошибиться в расчете на окраине Азии, нежели подвергать риску наше положение в Европе». Объяснялось такое видение ситуации достаточно прагматично: «Оставаясь могучею в Европе, Россия не свернет со своего исторического пути к Тихому океану» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 7).

Позднее в Журнале Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. сообщалось, что, по глубокому убеждению, министра финансов, укрепление могущества России на Дальнем Востоке находилось в зависимости от спокойного и последовательного развития событий, возможного только при правильном отношении России к собственным обязательствам. Витте считал, что всеобщее успокоение единственно отвечает истинным интересам государства, призрак же войны грозил большими осложнениями, помимо тех «неисчислимых жертв, которые явятся последствием несвоевременного агрессивного образа действий» (Журнал, 1932: 121).

Несмотря на достаточно прагматичное обоснование своей позиции относительно исключительно мирного ведения внешней политики России, в своих воспоминаниях Витте делал акцент на христианские моральные принципы. Характеризуя себя как носителя идей императора Александра III и «самого искреннего» адепта мира, Витте подчеркивал, что «только тогда христианское учение приобретет силу и расцветет, когда человечество исполнит первейший завет христового учения, завет, заключающийся в том, что ни один человек не имеет нравственного права, или вернее – божественного права убивать существ себе подобных» (Витте, 1924: 61).

Витте понимал, что положение России относительно морей не очень благоприятно, однако, осознавая значимость Дальнего Востока для России, некоторое время рассматривал возможность установления морского пути по северному побережью Сибири. Для данной цели по инициативе министра финансов в конце 1898 г. был заказан ледокол «Ермак», сооруженный при участии адмирала Макарова. Витте отмечает, что «делу открытия морского пути на Дальний Восток через сибирские побережья, а равно плаванию по направлению к полярному полюсу очень сочувствовал

также известный наш ученый Менделеев» (Витте, 1924: 469). Однако дальше плавания на Новую Землю дело не пошло.

С развитием железнодорожного транспорта значение морских путей сообщения уменьшилось. А.В. Ремнев отмечает, что основные средства, по мнению министра финансов, должны были быть направлены на Дальнем Востоке на укрепление сухопутных сил а военно-морскому флоту отводилась вспомогательная роль (Ремнев, 2004: 328). При этом вкладывать средства из бюджета в развитие среднеазиатского направления Витте тоже считал не целесообразным (Кармов и др., 2016). В письме С.Ю. Витте к министру иностранных дел по поводу записки о задачах внешней политики императорского правительства на Востоке 10 февраля 1900 г. министр финансов высказывался против расходов на строительство дороги от Оренбурга до Ташкента или Уральска до Чарджуя, так как это было дорого и вложения «вряд ли скоро окупятся, а деньги все идут на Дальний Восток – Порт-Артур, строительство железной дороги» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 178. Л. 1 об.).

Важнейшую роль в достижении экономических, политических и культурно-исторических задач и обеспечении мирного расширения влияния России на Востоке должны были выполнить Сибирская железная дорога и Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), соединившие Дальний восток и центральную Россию, частично по территории Манчжурии. Витте писал, что строительство железной дороги было результатом «наших мирных отношений с Китаем» и сама по себе не могла «вызвать враждебных с его стороны действий» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1., Д. 177. Л. 406.).

Образ железной дороги, как правило, предстает в рассуждениях Витте в контексте ее значения для развития экономики России. Однако нередко Витте говорит о политическом, военно-стратегическом и культурно-историческом значении железнодорожного пути.

Витте видел значительные последствия в мировой экономике и геополитике, которые должны были произойти после завершения строительства Сибирской железной дороги и КВЖД. В докладной записке императору в феврале 1900 году в контексте рассуждений об экономическом развитии России Витте отмечал необходимость принятия энергичных и решительных протекционистских мер для развития отечественной промышленности «чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием» (Витте, 1935: 133).

В лекциях великому князю Михаилу Александровичу, которые были прочитаны в 1900–1902 гг., Витте отмечал, что Великая сибирская железная дорога открывает «новый путь и новые горизонты не только для русской, но и для всемирной торговли, соединяя с Европой – через Россию – Китай, Корею и Японию» (Витте, 2011: 258). Естественно, выгодами этого переворота в направлении сообщений между Европой и Востоком «больше всех воспользуется Россия, не только в качестве посредника в торговом обмене произведений азиатского Востока и европейского Запада, но и в качестве крупного производителя и потребителя, ближе стоящего к восточным народам» (Витте, 2011: 258). Министр финансов считал, что Транссибирская магистраль с выходами к Владивостоку и Желтому морю, обеспечит «главнейшие условия для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынки сбыта и приток рабочей силы, открывая вместе с тем спокойный и верный путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач – к прочному устройству экономического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России» (Цит. по: Ремнев, 2004: 325).

Военно-стратегическое значение железной дороги было обозначено еще в записке Витте от 31 марта 1896 года: «...она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая» (Записка, 1932: 93). Соответственно, как полагал Витте, «одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке; и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией» (Записка, 1932: 93). Так в рассуждениях Витте одной из культурно-исторических задач предстает идея сближения восточных народов с Россией, возможность осуществления которой была возможной за счет роста престижа и влияния России в регионе.

В докладе о поездке на Дальний Восток в 1902 г. Витте, говоря об историческом значении Сибирской железной дороги, называл ее «воротами» для Европы в «доселе замкнутый мир» Востока, которые ставят «ее лицом к лицу с многочисленными племенами монгольской расы» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 1). Межкультурный диалог и связи, которые открывала железная дорога, делали невозможной дальнейшую отчужденность для народов Востока. Отмечая значительные последствия и перемены от сближения «желтой и белой расы», Витте говорил о серьезной задаче, которая выпадала на долю России «в деле этого сближения» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 106.). Россия, владея железнодорожным путем, становилась посредницей и поэтому должна была воспользоваться «всеми выгодами этого положения», а «стоя на страже у открытых ворот из Европы в Азию, она может регулировать и направлять это сближение в сторону для себя наиболее благоприятную» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 106.). К выгодам России Витте относил следующие: «для русской промышленности создается новый обширный внутренний рынок; избытки населения из европейской

России найдут себе выход на новые обширные пространства Сибири, удобные для колонизации; разработка естественных богатств Сибири, возрастание ее населения и развитие промышленности увеличат производительные силы нашей Родины, а сама Сибирь станет активной участницей культурной жизни» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 106.).

Оценивая культурно-историческое значение Китайской Восточной железной дороги, Витте считал, что благодаря ей «в недалеком будущем должно произойти сближение России с Японией на почве торгово-промышленных интересов» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 17). По мнению министра финансов, тесное экономическое сближение народов могло стать одним из наиболее могучих факторов в деле устранения вооруженных международных конфликтов и в том числе мирного разрешения тех вопросов, на которых сталкивались интересы России и Японии на Дальнем Востоке. Даже если бы эти надежды оказались несбыточными, Витте настаивал на том, что «неизбежное столкновение необходимо отсрочить и постараться найти хотя бы временный выход в каком – либо компромиссе, удовлетворяющем желания Японии относительно Кореи» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 17). Министр финансов выступал за то, чтобы отказаться на время от притязаний на корейский полуостров, что позволило бы избежать войны с Японией. В целом, в 1902 году Витте был уверен в победе России в случае войны, но, по мнению министра финансов, военный конфликт сказался бы на ее экономическом положении.

Позднее Витте в воспоминаниях сообщал о своем убеждении, что железная дорога ни при каких обстоятельствах не должна была служить «орудием каких бы то ни было захватов; она должна была стать орудием сближения восточных и европейских наций, сближением как материального, так и морального, и должна была служить орудием морального влияния, поскольку новая культура – христианская – сильнее и могущественнее культуры желтых наций, родившихся в идолопоклонстве» (Витте, 1924: 60). Примечательно мнение Витте о превосходстве христианской культуры и религии над восточными. Видимо, одним из результатов расширения влияния России на Востоке должна была бы стать христианизация азиатских народов.

В записке о поездке на Дальний Восток Витте отмечал, что деление Европы и Азии, по Уралу стало «не более как отвлеченное географическое понятие». Витте отмечал, что для каждого русского за «Восточным склоном Урала тянется все та же та же необъятная Россия – Сибирь, в которой русская народность является теперь преобладающей, где она сильнее даже чем во многих местах России Европейской». Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу от народов Азии, давно перенесен уже на Байкал – в степи Монголии. В перспективе же, по мнению Витте, «место его будет на конечном пункте Китайской железной дороги» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 179. Л. 42). Показательно, что Витте проводит четкую грань между «европейской расой» и восточными народами, идентифицируя русский народ как европейский и видит его историческую задачу в расширении культурного влияния.

В своих рассуждениях Витте отмечает особую роль русской колонизации восточных окраин. Министр финансов не исключал возможность столкновения России с представителями «желтой расы», но отводил в деле защиты особую роль именно русскому населению Сибири, которое должно было стать оплотом в борьбе с врагом и дать силы и средства для защиты «интересов империи». Историческое значение крестьянской колонизации объяснялось Витте следующим образом: «Для того чтобы в предстоящей в будущем борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты как своего достоинства, так и интересов Империи» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8). В противном случае, по мнению Витте, «вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8-9).

На докладе военного министра А.Н. Куропаткина Николаю II 14 марта 1900 года министром финансов была сделана запись: «Мы историческим путём будем идти на юг. Из-за Маньчжурии не стоило и огород городить. Весь Китай, все его богатства находятся преимущественно на юге. Но, конечно, это дело будущего» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 445. Л. 33). Однако, по мнению И.В. Лукоянова, напоминание о «пути на юг» выглядит «скорее как эмоциональная реакция, нежелание отказываться от былых мечтаний, чем продуманный план действий» (Лукоянов, 2008: 327).

В целом, говоря об участии России в мировом экономическом противостоянии, Витте отмечал, что в колониальной политике Россия не нуждалась, а ее исторические задачи были «не только мирного характера, но даже наиболее культурного в истинном смысле этого слова, ибо миссия России на Востоке в противовес стремлению западноевропейских держав к экономическому и нередко политическому порабощению народов Востока должна быть миссией охранительной и просветительной» (Витте, 2011: 241). Более того на долю России «естественно выпадает защита сопредельных ей восточных стран, находящихся в сфере ее просветительного влияния, от чрезмерных притязаний, политических и колониальных, со стороны других держав» (Витте, 2011: 241).

Так, историческая роль России заключается в просвещении и защите ее восточных соседей от западных держав, естественно с пользой для себя.

При всей неоднозначности оценок исследователями взглядов Витте, от славянофильских на ранних этапах карьеры (Ананьич, Ганелин, 1971: 326; Суслов, 2009: 104, 110-111) до западнических с середины 1890-х гг. (Схиммельпенник, 2009) (в основе идентификации часто лежит экономическая модель, которой руководствовался Витте), необходимо отметить следующие особенности. Настаивая на мирном продвижении на Восток и «цивилизаторской» роли России, министр финансов, оставался убежденным в превосходстве христианской культуры над восточными, поэтому Россию он всегда ставил выше азиатских государств, но в то же время отмечал и определенные различия между Россией и Западными странами. Выступая за современную Россию, которая могла бы конкурировать с Западом (Схиммельпенник, 2009: 105), и ориентируясь на западные варианты развития в сфере экономики, в отношении государственного устройства он оставался сторонником самодержавия. В условиях соперничества между Российской империей и Западными государствами за установление влияния в Азии для Витте было важно подчеркнуть различия в реализации колониальной политики, отношении к восточным государствам и народам и особую историческую «цивилизаторскую» миссию России, что сближает его взгляды с «восточническими» представлениями Э.Э. Ухтомского (Суворов, 2015).

5. Заключение

С.Ю. Витте, возглавлявший министерство финансов на рубеже XIX – XX веков, как и многие его современники оказался не чужд рассуждений об историческом предназначении России. В материалах Витте встречается мотив исторического движения к Тихому океану, частью которого воспринималась и проводимая им дальневосточная политика. Витте осознавал губительность для империи вовлечения России в военные столкновения и стремился исключить такого стечения обстоятельств в Азии. Его позиция имела вполне логичное и рациональное объяснение. Для достижения экономических и политических задач на Востоке необходимо было сохранять мирные и дружеские отношения с восточными государствами и избегать военных конфликтов. Любые территориальные притязания России к Китаю, давление на него могло бы повлечь ответные действия со стороны европейских держав, что привело бы к столкновению их интересов и интересов России, которое могло перерасти в военный конфликт.

Особая роль в расширении влияния России на Востоке принадлежала Сибирской железной дороге и КВЖД, связывавших центр России и восточные окраины. Одно из значений железнодорожного пути, по мнению Витте, заключалось в том, что он создавал условия для более тесного сближения подвластных Китаю народностей с Россией и мог стать культурным «мостом» между Европой и Азией. России отводилась почетная роль посредницы в международных контактах, из которых она должна была извлечь пользу для себя. Концепция Витте была основана на уверенности в способности создать на востоке империи прочный демографический и экономический тыл для российских морских торговых и военных портов в условиях неизбежного столкновения с восточными народами. Отмечая превосходство христианской культуры над традиционными культурами Востока, Витте в рассуждениях о покровительственной и просветительской миссии России в Азии допускал христианизацию восточных территорий.

В целом, для взглядов С.Ю. Витте характерно сочетание преобладающих прагматических идей об экономической и политической значимости постройки железной дороги с представлениями о стихийном движении России к Востоку и ее мессианской роли в этом регионе. Хотя Витте руководствовался западными моделями развития экономики и разделял идею прогресса, что, по мнению некоторых исследователей, позволяет относить его к западникам, тем не менее он оставался сторонником самодержавия, а в своих рассуждениях нередко отмечал различия между действиями России на востоке и колониальной политикой западных стран. Учитывая национальные и культурные особенности России, Витте возлагал на нее особые культурно-исторические задачи на Востоке.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2017) № МК-2889.2017.6

Литература

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ананьич, Ганелин, 1971 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по соц.-полит. истории России. Л., 1971. С. 299–326.

Витте, 1924 – Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Л.: Государственное издательство Ленинград, 1924. Т. I. 471 с.

Витте, 1935 – Витте С.Ю. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3 С.131-139.

- Витте, 2011** – *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. М.: Издательство Юрайт, 2011. 629 с.
- Жукова, 2015** – *Жукова Л.* Кто такие русские «восточники»? // *Самопознание*. 2015. № 5. С. 32–44.
- Журнал, 1932** – Журнал Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. // *Красный архив*, № 3 (52). 1932. С. 110–124.
- Записка, 1932** – Записка министра финансов Витте // *Красный архив*. № 3 (52). 1932. С. 91–102.
- Кармов и др., 2016** – *Кармов Т.М., Овсянников Д.В., Лобанов В.Б.* Средняя Азия во взглядах и деятельности С. Ю. Витте // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 10 (72). С. 105–107.
- Лукоянов, 2008** – *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Межуев, 1999** – *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» (на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX века) // *Полис*. 1999. № 1. С. 26–39.
- Ремнев, 2004** – *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
- Романов, 1955** – *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 696 с.
- Романов, 1928** – *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л.: Изд. Ленинградского Восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928. 605 с.
- Суворов, 2015** – *Суворов В.В.* «Восточничество»: культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Изд-во Саратов. гос. мед. ун-та, 2015. 107 с.
- Суслов, 2009** – *Суслов М.Д.* Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // *Вестник Пермского университета*. 2009. Вып. 2 (9). С. 102–111
- Схиммельпеннинк, 2009** – *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.
- Схиммельпеннинк, 2001** – *Схиммельпеннинк Д.* Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1-2. С. 211–225
- Тарле, 1958** – *Тарле Е.В.* Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Е.В. Тарле. Собр. соч. в 12 томах. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 509–566.
- Laruelle, 2008** – *Laruelle M.* «The White Tsar»: Romantic Imperialism In Russia's Legitimizing of Conquering the Far East // *Acta Slavica Iaponica*. 2008. № 25. pp. 113–134.
- Meaux, 2010** – *Meaux Lorraine de.* La Russie et la tentation de l'Orient. Fayard, 2010. 422 p.

References

- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii [State Archives of the Russian Federation]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]
- Anan'ich, Ganelin, 1971** – *Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh.* (1971). R.A. Fadeev, S.Yu. Vitte i ideologicheskie iskaniya «okhranitelei» v 1881–1883 gg. [R.A. Fadeev, S.Yu. Vitte and the ideological search for "protectors" in 1881–1883.]. *Issledovaniya po sots.-polit. istorii Rossii*. L., pp. 299–326. [In Russian]
- Vitte, 1924** – *Vitte S.Yu.* (1924). *Vospominaniya: Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memories: The reign of Nicholas II]. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Leningrad. T.I. 471 p. [In Russian]
- Vitte, 1935** – *Vitte S.Yu.* (1935). *Dokladnaya zapiska Vitte Nikolayu II* [Memorandum from Witte Nicholas II]. *Istoriik-marksist*. № 2/3, pp. 131–139. [In Russian]
- Vitte, 2011** – *Vitte S.Yu.* (2011). *Konspekt lektsii o narodnom i gosudarstvennom khozyaistve* [Lecture notes about the national and state economy]. М.: Izdatel'stvo Yurait. 629 p. [In Russian]
- Zhukova, 2015** – *Zhukova L.* (2015). *Kto takie russkie «vostochniki»?* [Who are the Russian "vostochniki"?]. *Samopoznanie*. № 5, pp. 32–44. [In Russian]
- Zhurnal, 1932** – *Zhurnal Osobogo soveshchaniya* (7 fevralya) 25 yanvarya 1903 g. [Journal of the Special Meeting (February 7) January 25, 1903]. *Krasnyi arkhiv*. № 3 (52). 1932. pp. 110–124. [In Russian]
- Zapiska, 1932** – *Zapiska ministra finansov Vitte* [Note by the Minister of Finance Witte]. *Krasnyi arkhiv*. № 3 (52). 1932, pp. 91–102. [In Russian]
- Karmov et al., 2016** – *Karmov T.M., Ovsyannikov D.V., Lobanov V.B.* (2016). *Srednyaya Aziya vo vzglyadakh i deyatelnosti S.Yu. Vitte* [Central Asia in the views and activities of S.Yu. Witte]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. № 10 (72), pp. 105–107. [In Russian]
- Lukoyanov, 2008** – *Lukoyanov I.V.* (2008). «Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v. ["Do not lag behind the powers ..." Russia in the Far East in the late XIX – early XX century.] SPb.: Nestor-Istoriya. 668 p. [In Russian]
- Mezhuev, 1999** – *Mezhuev B.V.* (1999). *Modelirovanie ponyatiya «natsional'nyi interes»* (na primere dal'nevostochnoi politiki Rossii kontsa XIX – nachala XX veka) [Modeling the notion of "national interest" (on the example of the Far Eastern policy of Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century)]. *Polis*. № 1, pp. 26–39. [In Russian]

- Remnev, 2004 – *Remnev A.V.* (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka [Russia of the Far East]. Omsk: Izd-vo Omsk state. un-ty. 552 p. [In Russian]
- Romanov, 1955 – *Romanov B.A.* (1955). Ocherki diplomaticheskoi istorii rusko-yaponskoi voiny. 1895–1907 [Essays on the diplomatic history of the Russo-Japanese War. 1895–1907]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 696 p. [in Russian]
- Romanov, 1928 – *Romanov B.A.* (1928). Rossiya v Man'chzhurii (1892–1906): Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epokhu imperializma [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of the Foreign Policy of the Autocracy in the Era of Imperialism]. L.: Izd. Leningradskogo Vostochnogo instituta im. A. S. Enukidze. 605 p. [in Russian]
- Suvorov, 2015 – *Suvorov V.V.* (2015). «Vostochnichestvo»: kul'turno-istoricheskaya kontseptsiya i imperskaya ideologiya ["Vostochnichestvo": cultural and historical concept and imperial ideology]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. med. un-ta. 107 p. [in Russian]
- Suslov, 2009 – *Suslov M.D.* (2009). Neoslavyanofily v bor'be s reformami S.Yu. Vitte: ekonomicheskaya utopiya Sergeya Sharapova [Slavophiles in the struggle against reforms S.Yu. Witte: the economic utopia of Sergei Sharapov]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Vyp. 2 (9), pp. 102–111. [in Russian]
- Skhimmel'pennink, 2009 – *Skhimmel'pennink van der Oie D.* (2009). Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu. Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei [Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 421 p. [in Russian]
- Skhimmel'pennink, 2001 – *Skhimmel'pennink D.* (2001). Ideologii imperii v Rossii imperskogo perioda [The ideology of the empire in Russia of the imperial period]. *Ab Imperio*. № 1-2, pp. 211–225. [in Russian]
- Tarle, 1958 – *Tarle E.V.* (1958). Graf S.Yu. Vitte. Opyt kharakteristiki vneshnei politiki [Count S.Yu. Witte. Experience in characterizing foreign policy] // E.V. Tarle. *Sobr. soch. v 12 tomakh*. M.: Izd-vo «Akademii nauk SSSR», pp. 509–566. [In Russian]
- Laruelle, 2008 – *Laruelle M.* (2008). «The White Tsar»: Romantic Imperialism In Russia's Legitimizing of Conquering the Far East. *Acta Slavica Iaponica*. № 25, pp. 113–134.
- Meaux, 2010 – *Meaux Lorraine de.* (2010). La Russie et la tentation de l'Orient. Fayard. 422 p.

УДК [93:130.2](470+571):94(5)(045)

Взгляды С.Ю. Витте на культурно-исторические задачи России на Востоке

Валерий Владимирович Суворов^{а,*}

^а Саратовский государственный медицинский университет, Российская Федерация

Аннотация. Понимание особой культурно-исторической, «цивилизационной», а зачастую и мессианской роли России было присуще большинству российских мыслителей, общественных и политических деятелей XIX – начала XX века. Особенно выделяется данная проблема в контексте противоречивых суждений о роли и значении исторического движения России на Восток, отношения к азиатским странам и народам в имперский период. С.Ю. Витте, являясь одним из инициаторов и организаторов дальневосточной политики России на рубеже XIX и XX века, имел вполне прагматичные планы и ожидания от строительства железнодорожного пути, призванного соединить Дальний Восток и Центральную Россию, и расширения экономических связей с азиатскими государствами. Однако, как в официальных документах, в том числе и докладах императору, так в материалах личного происхождения прослеживаются взгляды Витте на «цивилизационные», культурно-исторические задачи России в дальневосточном регионе. Отмечая историческую предопределенность движения России к тихоокеанскому побережью, Витте видел залог успеха в расширении сферы влияния только мирным путем. Главная государственная задача заключалась в организации железнодорожного сообщения, которое наряду с экономическими и геополитическими выгодами для России должно было способствовать сближению восточных народов с Россией, сама дорога выдалась Витте культурным «мостом» между Европой и Азией, а России отводилась почетная роль посредницы в международных контактах. Указывая на особую роль России в «просвещении» и защите азиатских народов и государств, Витте противопоставлял действия России колониальной политике европейских государств. В целом, во взглядах Витте сочетались экономические и политические планы с рассуждениями о просветительской и покровительственной миссии России на Востоке, расширении распространения русской культуры и мечтами о христианизации восточных народов.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, Российская империя, Восток, культурно-исторические задачи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valeriy_s@inbox.ru (В.В. Суворов)